

Александр Плетнев

**АДМИРАЛЫ
И
АРКТИКИ**

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
ПЗ8

Серия «Военная фантастика»

Выпуск 142

Оформление обложки *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Плетнев, Александр Владимирович

ПЗ8 Адмиралы Арктики: роман / Александр Плетнев. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленин-
град», 2018. — 352 с. — (Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-111124-3

Арктика. Безлюдная снежная пустыня, где время заведе-
нело между «вчера» и «сегодня», посреди «давно» и «ныне».

Где пропадали корабли и целые экспедиции, где и поны-
не можно ждать чего угодно, когда необъяснимая аномалия
вдруг выбрасывает современное российское судно ледового
класса из этого самого «сегодня» во «вчера».

Во «вчера», где за бортом... на дворе 1904 год со все-
ми историческими реалиями: Российская империя, Русско-
японская война, Николай II, адмирал Рожественский....

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-111124-3

© Александр Плетнев, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

Вереница саней, запряжённых в собачьи упряжки, мчала, скользя, стелясь по снегу почти с природной гармонией. Гоняемые длинными шестами и покрикиваниями каюров-поморов, саамские лайки тянули со всех своих собачьих сил, на ходу наклоняя морды, щёлкая зубами, заглатывая в пересохшие глотки снег.

Ледяная пустыня источала серый туман, стелящийся густыми лоскутами, и, озираясь, Ивор по прозвищу Свен (за свои шведские корни) угадывал в прорехах этой пелены едва видимые серебристо-тёмные тени.

Погоня была уже совсем близко, рыча по-звериному, по-волчьи. Воображение рисовало ему именно волков, не белого медведя — хозяина здешних мест, не рысь, не росомаху, охотящуюся там, в тайге на далёком берегу, а стаю волков.

Это порывивание было чем-то похоже на механическое, но Свен и слова-то такого не знал, а потому окрестил так, как ему слышалось и виделось. Такова человеческая натура всему давать своё название, заворачивая в обёртку понятного, тем самым изгоняя страх неведомого.

И он почти угадал... человек, возглавлявший догоняющий отряд, носил именно это прозвище, по своей фамилии — Вóлков.

Собакам в упряжке передавался страх возницы и пассажиров. Псы поскуливали, подвывая, слыша сзади непонятный и от того ещё более пугающий рык. Иногда попадая лапой на острый настил, жалобно тьявкали, шумно дыша от бешеного темпа, всё ещё сохраняя силу.

Часть «волков-преследователей» стала обходить слева. Рычание изменилось, наполнившись рваными ритмами, словно в предвкушении добычи: «Ры-ры-к-ма-у-у! Ры-ы! Ры-ры-ры!»

Два иноземца-пассажира за возницей что-то выкрикивали через вой ветра на своём языке, ещё бодрились, клацая затворами винтовок, но помор уже понимал — не уйти.

Бах! Бах! Пассажиры не выдержали, стали стрелять, и тотчас в ответ донеслось, растекаясь в густом тумане частыми хлопками. И тут же просвистели пули, как зудящие москиты — над самым ухом. Но сзади — выкрик... и Свен почувствовал, как облегчились сани, всхлипнуло резким запахом крови в ледяном дыхании снежной пустыни.

Гнать прямо собак было бессмысленно — тот, кто обошёл слева, уже забежал вперёд, охватывая.

Свен увидел, как впереди идущие сани повернули вправо. И он следом повторил их движение в поворот, всё ещё пытаясь оторваться от погони.

В спину остервенело впилося смертельное жало, выбив дух, толкнув погонщика вперёд, на сани.

Собаки, почувствовав слабинку, замедлили бег и в конце концов остановились.

Сознание балансировало на грани, то уходя, то возвращаясь, тупой ноющей болью сковывая хребет. Через время придя в себя, помор мутным взглядом увидел склонившегося над ним человека в белой с пятнами одежде, в облегающих, закрывающих пол-лица очках с желтоватыми стёклами.

Человек встретился с ним взглядом, говоря что-то непонятное, словно не ему, а куда-то вдаль на почти знакомом:

— Порядок, «Углич». Зачистка.

Сознание Свена медленно уходило из раны в спине вместе с кровью и теплом тела.

Белым ляжет невинность снега...

Белым ляжет невинность снега.
Рисовать я её не берусь
Лишь пою, лишь пою свою грусть.
Будут дети, как прежде, бегать.

Получив начало с 1584 года, в большинстве построенный на приболоченной местности по обоим берегам Северной Двины, окружённой хвойными массивами, Архангельск возводился именно этим самым доступным материалом — строительным лесом.

И даже в середине двадцатого столетия на окраинах города можно встретить дощатые тротуары и следы-остатки некогда проложенных деревянных дорог.

Не говоря о порой неплохо сохранившихся домах из бруса, обшитых потемневшей доской, стоящих нижними венцами на медленно подгнивающих сваях (не на фундаменте). Многие из этих упрямых и прочных реликвий дожили до времён асфальта и «внутреннего сгорания», чувствительно покачиваясь от проезжающих мимо тяжёлых грузовиков.

Однако вернёмся немного назад — к началу двадцатого века, когда ещё полновластно двигал «пар». Впрочем, и от парауса массово ещё не отказались.

Архангельская губерния — северный «фасад» империи, раскинувшийся от Финляндии до Урала, соприкасающийся с холодными водами Ледовитого океана, суровая правда жизни окраины, более полугода заснеженной, прихваченной льдами.

Потеряв своё значение как город-порт после основания Санкт-Петербурга, Архангельск только к девятидесятым годам второго тысячелетия от Р. Х., с развитием торгового мореплавания, дотянувшейся (наконец) узкоколейной железной дороги, прокладкой телеграфной связи, получил новый импульс к развитию порта, как и всей губернии.

Летом с открытием навигации Северная Двина несёт мимо Архангельска мутные жёлтые воды, давая выход к просторам океана с рыболовным и зверобойным промыслом, к торговым морским путям и европейским странам.

Зима же — долгая, и ледостав, длящийся 180–190 дней, почти до конца мая, сковывает берега не только Двины, но и Белого моря, закупоривая морскую дорогу к архангельским причалам и от...

С приходом зимы пикантный привкус портового города с прямыми новостями из Европы, веяньями и модами, замечается, замораживается... жизнь замирает. Северный край словно впадает в спячку, снова становясь захолустьем империи.

И если посмотреть с высоты полёта, то огромная территория превращалась в сплошное белое заснеженное поле. Тракты и гужевые дороги к поселениям и местечкам засыпает, обновляет чистым снегом. В архангельские гавани на зимний прикол обустраиваются суда.

Дошедшая от Вологды к левому берегу Северной Двины железнодорожная ветка, как это у нас водится по вечной необустроенности, регулярно требовала ремонта и восстановления. После размыва грунтовыми водами, оползней и прочих каверз природы, и дураков. Поэтому курьерская почта хоть и претендовала на регулярность, доходила с запозданием.

Тем не менее единственный на то время незамерзающий порт русского севера — Александровск¹ (в будущем г. Полярный) был включён в линии губернской телеграфной связи и дальше... И дальше по сети «Архангельск–Санкт-Петербург», проложенной вдоль почтового тракта, пусть окольным путём, но вполне надёжно, молодой город губернии Александровск привязывался к Центральной России.

¹ *Романов-на-Мурмане* (в будущем Мурманск) будет заложен только в 1916 году.

Ещё в незамерзающих заливах и бухтах Мурмана¹ существовали становища поселенцев и рыбных промысловиков, а на восточной стороне Мурманского берега были основаны спасательные станции, к которым в том числе протянуты ветки промыслового телеграфа.

Не сказать, чтобы Архангельск зимы-весны 1904 года был совсем уж «сонным царством». Всё-таки на другом краю империи шла война с Японией, что как минимум не могло остаться без внимания. Более того — волновало! Кого-то и лично — по сухим данным статистики, более четырёх тысяч уроженцев Архангельской губернии были призваны и отправлены на Дальний Восток.

Однако новость пришла в тихий Архангельск совсем с другой стороны. С моря.

О нет! Вести с моря приходили частенько, вплоть до эпохальных!

Тогда, когда были связаны с героическими экспедициями к полюсу...

Смелыми первооткрывателями...

Пропадшими полярниками...

Спасёнными из ледяного плена (часто через год-два) зимовщиками...

И трагическими смертями.

Нынешняя же сенсация всколыхнула и взбудоражила своей фантастичностью, буквально на грани неверия, если бы не нашлись свидетельства от разных источников: наскоро сделанные одним любителем рисунки (которым почему-то особо поверили) и даже реальное фото.

Фото-позитивы, правда, дошли до Архангельска чуть позже, как и позже закрутились все шестерёнки этой истории.

¹ *Мурман* — так назывался мурманский берег, приморский берег Баренцева моря от Норвегии до мыса Святой Нос.

переквалифицировали в транспорт, вновь включив в список как пароход «Лейтенант Скуратов».

Правда, установленные в ходе ремонта новые котлы Балтийского судостроительного завода прыти пароходу не добавили.

Командовал «Скуратовым» Престин Константин Иванович. Будучи простым, не дворянского рода, закончив штурманское отделение Технического училища Морского ведомства, Константин Иванович сумел дослужиться до штабс-капитанского чина Корпуса флотских штурманов. Вторым старшим офицером на судне был мичман «из отставки».

Прохлюпав в указанный район, разглядев в бинокль нарушителей, Престин удостоверился, что траулеры на поверку оказались одной средненькой паровой шхуной и двумя ботами под норвежскими флагами. Достаточно плюгавыми, что не мешало им нагло заниматься промыслом трески в российских водах.

Русского тихохода, видимо, тоже опознали и, не дожидаясь близкого контакта, бросились наутёк.

Два бота, наваливая из длинных труб густо и чёрно, весьма резво бодали волну с ясной целью уйти к своим берегам, тогда как не менее чающаяся шхуна совершенно неожиданно отвернула на норд-ост.

Константин Иванович честно посомневался — «парочка», на его взгляд, была перегружена уловом. Подрезая курс, боты с трудом, но можно было бы догнать. С другой стороны, отвернувший «одиночка» едва ли давал семь узлов.

Решив не усложнять, русский капитан погнался за более доступной целью.

Но как оказалось, норвежцы его провели!

Дождавшись, когда подельники уйдут на безопасное расстояние и погоня за ними будет уже немислима, «норвежец» прибавил, став постепенно отрываться от преследователя.

Какое-то время думали загнать браконьера в ловушку, прижав к дрейфующему ледяному полю, до которого, правда, было несколько миль. Но капитан шхуны, видимо, тоже был в курсе ледовой обстановки и стал отворачивать на восток.

Гонка на девяти узлах продолжалась ещё несколько часов, всё дальше уходя в зелёные волны северного Баренца. А потом капитан «Скуратова» понял её бесперспективность и дал отмашку поворачивать домой. К тому же над водой стал стелиться туман, и браконьерская шхуна совсем потерялась из виду.

Взглянув на хронометр, прислушавшись к мерному стуку машины, Престин прикинул, сколько им ещё идти обратно до Александровска — всё одно особо спешить некуда. И, приказав сбавить ход до шести узлов, разочарованно ушёл к себе в каюту.

А уже через три часа его вызвал возбуждённый помощник. Когда он поднимался по трапу на палубу, ему в глаза сразу бросилось то, из-за чего случился переполох...

Со стороны норда, практически там, куда умотала шхуна-браконьер и где раскинулись сплошные ледяные поля, медленным белым светом наливался горизонт, поднимаясь выше к небу. Это не было похоже на вспышку, на мерцание северного сияния — а именно медленное заволакивание серой хмари и тумана наползающим белым светом.

А ещё накатил на голову зудящий звон, как в ушах бывает... да быстро вышел весь.

— Вы когда-нибудь нечто подобное видели, Константин Иванович? — замороженно глядя за корму, вымолвил помощник.

Капитан не ответил, подсознательно подмечая, как стих ветер, перестав посвистывать в такелаже, и все звуки стали словно глухими, исказив голос мичмана. На поверхность воды упал полный, совершенно неестественный штиль.

— Велите переключать руль, — приказал он мичману, — надобно взглянуть поближе на это.

Выписав принуждённую циркуляцию, лохмато задымив из трубы, «Лейтенант Скуратов» поспешил на разведку.

Через час странный белый свет стал рассеиваться, подёрнуло выше и серую дымку, оголяя ширину горизонта. По-прежнему подозрительно штилило.

«Норвежца» обнаружили на румб левее, чем ожидалось. Шхуна, едва куря дымком из трубы, судя по всему, наворачивала неуправляемые круги — её чёрная метка на поверхности воды то становилась совсем маленькой, то расплывалась в профиль.

Уже подходили ближе. В бинокль подтверждалось — «норвежец» будто потерял управление и никак не реагировал на русское сторожевое судно.

Слышали уже почухивание его машины, на палубе — ни движения. И только когда обшарпанный борт и надпись названия, которую прочитали как «Витбёрн» (Белый медведь) стали различаться невооружённым взглядом, на шхуне словно проснулись — на палубе появилась пошатывающаяся одинокая фигура в шапке-малахае¹.

Мичман дёрнул свисток, и «Лейтенант Скуратов» взвыл сиреной — требование остановиться. На мачте затрепыхались сигнальные флажки, с тем же приказом.

Поравнялись бортами с браконьером. В нос ударил смешанный запах рыбы и ворвани, наверное, пропитавший старую шхуну до самых «косточек».

Взяв рупор, Престин на ломаном норвежском прокричал:

— Требую остановиться.

¹ Малахай шьётся как обычная шапка-ушанка — верх из меха, внутренние части из кожи и замши.

Ноль внимания — кряжистый рыжебородый норвежец лишь поднял багровое, обветренное лицо и снова опустил, шаря рассеянным взглядом по палубе своего судна.

— Вы говорите по-русски? — снова в упор в рупор.

Норвежец что-то бормочет в ответ, поднимая тяжёлый взгляд, отрицательно покачивая головой — доносится:

— Нау!

— Застопорите ход! — Престин настырно пробует немецкий и английский языки: — Кэптен «Витбёрн», стоп машин!

Норвежец мечет угрюмые взгляды, пытается раскуриться — не получается. Засунув обратно кисет и трубку, он, наконец, грузно спускается вниз.

Спустя минуту мотор браконьера прекратил постукивание, и шхуна легла в дрейф.

Полный штиль позволял притереться бортами и перепрыгнуть на «иностранца». Что и сделала часть русской команды во главе с командиром.

Картина, что открылась им за фальшбортом шхуны, производила впечатление: норвежские матросы — как на подбор плечистые парни, привалившись кто куда, будто контуженые лúpали глазами, открывая рты, мыча что-то нечленораздельное.

Стуча деревянными подошвами грубых сапог, из трюма появляется рыжебородый, успев, видимо, побывать в своей каюте — сменил шапку на старую, потрёпанную капитанскую фуражку. Теперь видно, что это немолодой мужчина, а его рыжая борода скорее вся седая. Взгляд шкипера прыгает, меняясь от злого (на русских) до растерянного (на своих матросов).

— Что произошло? — спрашивает Престин.

— Белый свет, — хрипит шкипер, — а потом корабль — чёрно-красный демон Валгаллы с зубатой пастью. Огромный корабль!

Видно, что команда шхуны медленно приходит в себя — кто-то даже привстал, опираясь на заляпанные салом вонючие бочки.

Шкипер немного успокаивается, облегчённо вздыхая. Снова достаёт свой кисет, не торопясь набивает трубку. Весь его вид говорит: «Чёрт вас, русских, принёс!».

На вопросы он отвечает неохотно, упомянув Сваальбард (видимо, порт приписки). А на произошедшее с ними опять заладил про «большого красного демона», прибавив «рошен шиф» (русский корабль), и махнул рукой на норд, дескать «туда ушёл».

Престин на «рошен шиф» внимания не обратил, став высматривать в бинокль горизонт на севере, и неожиданно заметил чёрную точку с признаками красного цвета, удивившись вслух:

— А ведь этот старый норвежский медведь не врёт! — И подумал: «Конечно, на воде зрительно расстояние обманчиво, но каким бы ни показался огромным этот загадочный корабль норвежскому шкиперу, его очертания весьма хорошо просматриваются. Возможно, не так уж он и далеко. Попробовать нагнать? Тем более там уже скоро граница ледяного поля. Куда он денется?»

Престин ещё сомневался, когда вернулась досмотровая команда, доложив, что рыбы в трюме совсем мало.

Возиться с браконьером не имело смысла, а некая загадка — вон она! Совсем близко!

Не став выполнять даже минимальных формальностей, русские моряки перемахнули на борт своего судна.

Раскочегарив 800-сильную паровую машину, «Лейтенант Скуратов» быстро набрал фактические девять узлов.

Но быстро не получалось. Вожделенная «красная тряпка» вроде бы как и не уменьшалась в приблизительных размерах, но и не приближалась, маяча на горизонте,